

БРАТЯ ЮТ

АХ ТИЩИНЫ

Братья Ют
Эхо тишины

«Издательские решения»

Братья Ют

Эхо тишины / Братья Ют — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500118-4

Всё меняется, когда девочка приходит в себя после аварии. Её жизнь не будет прежней. Как принять мир, где приходится перемещаться на инвалидном кресле? Строгая мать, растяпа-отец, неверные друзья. Лишь сестра остаётся рядом. Она — та нить, что не даёт погрузиться в пучину безумия. Группа незнакомцев неизвестным образом оказывается на таинственном лайнере. Как выжить и как выбраться? Лишь мальчик Генри знает ответ. Что связывает две, казалось бы, такие разные истории?

ISBN 978-5-00-500118-4

© Братья Ют
© Издательские решения

Содержание

1.0	6
2.0	7
1.1	9
2.1	11
1.2	13
2.2	16
1.3	19
2.3	25
1.4	29
2.4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эхо тишины

Братья Ют

Дизайнер обложки Армен Унанян

© Братья Ют, 2020

© Армен Унанян, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-0118-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.0

я

Я.

Я в вакууме. Не знаю, как долго. Не могу пошевелиться. Сложно сфокусироваться. Нет органов чувств. Руки и ноги... Ничего нет.

Но я уже могу думать. Можно ли считать себя в сознании, если не ощущаешь тела?

Я почти осознала, кто я. Надо вспомнить, что произошло. Первая мысль – ощущение движения.

Куда или откуда? Не знаю.

Перевожу внимание. Стоит гул. Что это? Оно здесь, внутри. Оно в голове. Этот шум был всегда, просто я не обращала на него внимания. Он связан с тем, первым, чувством. Он родился в этом движении. Не сразу, почти в конце. В момент вспышки. Вспышка?.. Удар!

Я вспомнила! Дорога, корова, удар. Тогда и появился гул. Сквозь него слышу крик. Но это не я.

Мама!

Папа!

Что с ними? Где они? Где я?!

Страшно.

Ип.

Что-то пищит будто издалека. Раньше я не замечала. Редкий и размеренный, звук прятался за общим шумом в голове. Но писк – снаружи, и становится чаще. В унисон пульсирует в висках. Словно биение провоцирует звук.

Ип. Ип.

Пробивается что-то новое – запах. Горько-резкий спирт и кислотно-едкая химия. Это сочетание не спутать ни с чем.

Больница.

Ощущаю дуновение воздуха откуда-то справа. Пошевелиться по-прежнему не могу. Непроглядная тьма постепенно рассеивается.

Выплываю на поверхность сознания.

Знакомый голос зовёт меня. Голос сестры...

Ип. Ип. Ип.

Теряю силы. Снова тянет на дно.

Холодно.

Жутко.

Помоги!

Её голос тёплой рукой хватается и тащит меня вверх.

Ипипипипипипипипипипипипипипипипи

Резкий вдох обжигает горло. Всё, что могу выдать из себя:

– Пить.

2.0

Женщина торопливо идёт по сумрачному, едва освещённому коридору где-то на одной из нижних палуб. Она не понимает, как оказалась здесь. Покрытые инеем металлические стены давят на мозг. За переборками царит ледяная бесконечная пустота.

Когда-то в детстве старший брат в шутку запер её в подвале, полном крыс и всевозможных чудищ, которых только могло себе представить воображение ребёнка. И вот – брата давно не стало, а страхи остались.

Внутри у неё всё дрожит, ладони влажные и скользкие, никак не получается сконцентрироваться на собственных мыслях. Клаустрофобия. Всё точно так же, как в детстве, только теперь по-настоящему.

Шум машинного отделения, к которому сложно привыкнуть даже после многих часов, доносится спереди. Его слышно повсюду, из любого места, где она успела побывать: значит, корабль движется. Пока неясно, куда, но это лучше, чем быть просто брошенной на мёртвом судне. Нет звуков бьющейся волны о борт. Нет ничего, что могло бы подтвердить наличие вокруг каких-либо глубин. От осознания неизвестности становится только хуже. Скрип железа – ещё один звук, который периодически появляется то тут, то там. Сводит зубы; будто кто-то специально медленно открывает и закрывает несмазанную дверь. Каждый раз беглянка вздрагивает, но продолжает двигаться.

Рассудок зрелого и сильного человека бьётся в истерике. Она больше не суровая и жёсткая женщина, не уверенный в своей компетенции сотрудник больницы, не строгая, но любящая, мать. Сейчас она едва может справиться с собственным мочевым пузырём.

Подъём по лестнице на следующий пролёт вызывает такое напряжение организма, что пот буквально ручьями течёт по лбу. Женщина еле держится на ногах, но останавливаться и умирать не хочет.

Пытаясь вернуться в кают-компанию, теряет ещё больше. Тусклые лампы давят на глаза. Подобное освещение иногда называют интимным, только вот обстановка не позволяет его таким представить; практически невозможно различить, что находится впереди.

Слышится лёгкий ненавязчивый, но вместе с тем пробегающий льдом по позвоночнику, хрип. Она резко разворачивается. Никого. Впереди – тоже. Повсюду вокруг слишком много непонятных ей железок и труб. Все цельные, словно вместе они составляют какую-то конструкцию. Попытка выломать хоть одну для вооружения заканчивается провалом.

На переборке на уровне глаз еле видны какие-то цифры: они появляются примерно раз в пять-шесть метров. Женщина идёт на их уменьшение. Или шла на уменьшение?

Сейчас она замирает.

Хрип повторяется буквально в нескольких сантиметрах от затылка. Она оборачивается, издав испуганный и невнятный вскрик. Вновь никого. Стараясь убедить сознание, что это всего лишь слуховая галлюцинация, она ускоряет шаг.

Надо сохранять здравый смысл, однако паника охватывает её. Должен же где-то быть трап вверх, или хотя бы дверь, или хотя бы люк! Что-нибудь! Она согласна взбираться целый километр, лишь бы выйти из этого помещения. Ещё чуть-чуть, и сойдёт с ума. Отчётливое ощущение, что кто-то следит, не даёт ей собраться с мыслями.

Коридор становится уже, ещё немного, и потолок будет касаться макушки. Секунда, и всё расширяется обратно на своё место. Стены движутся, словно она приняла какие-то психотропные препараты, однако такого женщина в жизни себе не позволяла. И дочь воспитывала в такой же строгости к алкоголю, сигаретам и наркотикам.

Как давно она находится здесь, понять очень сложно. Время остановилось. Оно просто закончилось – нет ни часов, ни расписания на день. Есть только цель – выбраться. И всё.

Хорошо это или плохо, сказать нельзя. С одной стороны, ежедневная рабочая рутина в больнице уже давно въелась в подкорку, с другой – теперь нет никакой стабильности, нет чёткости в происходящем.

Появившийся из ниоткуда острый сквозняк заставляет женщину сорваться с места и бежать, что есть сил. Воздуха не хватает. Последний раз она бегала ещё в школе много лет назад, а сейчас гонит непрошеную мысль, что её самый родной человек отдал бы жизнь за такую возможность.

Всё вокруг заполняется топотом, ударами стоп о железную пластину вместо пола. Услышать что-либо теперь не представляется возможным, и, хотя женщина пытается убедить себя, что всё хорошо, что не существует монстров и всей прочей чепухи из детских фантазий, бежит она именно от них.

...И спотыкается, как назло о свои же ноги. И замирает в попытке встать на холодной палубе. От осознания собственной ничтожности по щекам текут слёзы. Так и не поняла, куда она бежала и кто сопровождал весь её путь.

Неуловимая жидкая струйка серого дыма, которую может развеять легчайшее дуновение, медленно поднимается вверх. То, что происходит дальше, становится последним в её сознании. Надпись напротив глаз в свете приглушённой лампы – «Шпангоут 65». Это всё, что замечает женщина. А её самого больше никто никогда не увидит.

1.1

Тринадцать дней.

Я была в коме почти две недели. Семья старалась не отходить от меня, правда, папа чаще оставался на ночь. Мать злилась на него: винила в том, что произошло. Он, конечно, немного рассеянный человек, но водил всегда аккуратно. Хорошо, что совсем запретить отцу приходить, она не могла. Сестрёнка тоже бывала, стараясь не пересекаться с матерью. Они, если можно так сказать, не в ладах. А после их крайней встречи полгода назад обе вообще не разговаривают и не смотрят друг на друга.

Честно говоря, домой не очень хочется. Виной тому слово из семи букв: «Форма правления, когда вся власть в руках одного; зачастую деспотичная и жестокая».

Тирания.

Мы с матерью живём вместе в пригороде. Папа с сестрёнкой – отдельно, но также на окраине. А ещё мне кажется неслучайным, что мы живём максимально далеко друг от друга, но при этом в пределах одного пригорода. Так получилось ещё в детстве, когда родители решили развестись. Однако подробностей я не помню. Вроде, воспоминания не такие уж давние, но удар головой сказывается. Доктор говорит, что постепенно всё должно вернуться в норму. Сотрясение пройдёт, и память полностью восстановится.

Но главную нашу с сестрой забаву я почему-то не забыла. Отчётливо помню, как нас частенько наряжали в одинаковую одежду, делали идентичные причёски, даже бельё одинаковое подбирали. Мы становились у зеркала, смотрели на отражения друг дружки. Затем закрывали глаза и меняли позу. Нужно было почувствовать, что сделала другая, и повторить. Кажется, мы редко ошибались. Единственное наше отличие, которое посторонний может разглядеть, это родинка у меня слева над губой. Даже цвет глаз одинаково зелёный.

Родители редко общаются. Мать всячески оберегает меня от папиного присутствия, мы можем не видеться месяцами. Единственное, чего отец смог добиться, кроме редких коротких встреч, так это возможность раз в год всем вместе отправляться куда-нибудь за город на несколько дней. Видимо, он до сих пор на что-то надеется, например, что мы все снова будем жить вместе. Бедняга...

Как я уже сказала, причину развода не помню. В смутных образах слышится, как мать кричит на отца. Ей постоянно что-то было не так. Однажды я не хотела есть кашу, и папа, поднеся палец к губам, дал мне шоколадку. Однако мать заметила. Как же она разозлилась тогда.

Не могу сказать, что жизнь с матерью ад. Просто нужно привыкнуть, что я и сделала. Она искренне старается заботиться обо мне, уберечь от всего на свете. Только вот иногда немного... перегибает палку. Вдобавок у неё есть множество своих маленьких особенностей быта. Но о них позже. А то, что с папой выпало жить не мне, это не страшно. Я не виню сестрёнку. Так получилось.

Если рассудить здраво, в моём нынешнем положении есть плюсы. Мы видимся чаще пока я здесь. Когда заканчивается мамино дежурство у постели, а папе приходится уехать куда-нибудь, либо наоборот, приходит сестра и тихонько садится рядом. Старается не будить, если я сплю. Смотрит и гладит по руке. Иногда я чувствую это во сне. Она будит, только когда меня мучают кошмары.

Периодически снится, будто тону. Я снова *там*, и меня тянет на дно. Пытаюсь двигаться, барахтаться в ледяной жиже, но только глубже ухожу вниз. Становится всё холоднее, темнее, и воздух заканчивается. Дёргаюсь. ИПИП. И каждый раз слышу голос сестры. ИПИП. И опять он словно пытается вытянуть меня наверх. И в самую последнюю секунду я рвусь вперёд, делая резкий глоток воздуха. ИПИПИП. Вновь оказываюсь в палате.

А она и в самом деле сидит рядом, иногда посреди ночи, и держит мою руку. Что-то негромко говорит.

Несколько раз я настолько глубоко погружалась в кошмар, что даже после пробуждения продолжала молотить руками воздух. Тогда она обнимала меня и шептала в самое ухо: «Это только сон. Я с тобой».

После подобных приступов почти сразу вновь засыпаю, так и не успев понять, где явь, а где кошмарная иллюзия.

Честно говоря, мало что могу вспомнить *оттуда*. Кажется, что я просто спала, но целую вечность. Обязательно нужно будет почитать про подобный опыт других людей. Говорят, мне ещё повезло: подобное состояние может длиться годами. Уже представляю, как открываю глаза, вижу поседевшего папу и взрослую сестру. У него прибавилось морщин, и очки теперь носит постоянно. А она держит на руках малыша и говорит, что это мой племянник! Всегда хотела младшего братика.

Но мать даже говорить о детях не любит.

Её, кстати, нет. Может, навсегда исчезла из нашей жизни. Зато я за это время обзавелась приличной грудью и тонкой талией. А доктор шутит, что на диете из физраствора и витаминов все худеют. И ещё у меня сошли веснушки, и зубы выровнялись!

Ну, зубы это перебор, согласна. Хотя с другой стороны, что им мешало вставить мне брекеты до момента пробуждения? И вот – каких-то несколько лет, и голливудская улыбка! Пусть там до кучи появится молодой темноволосый практикант, который, как выяснится, каждую ночь сидел и читал мне добрые сказки. И всё обязательно будет только хорошо и ярко. Спокойная жизнь и карьера: он перспективный хирург, а я... писательница! Почему бы и нет? Книги – моя жизнь, так почему бы на них не зарабатывать.

Думаю, лучше всего у меня будут получаться детективы, однако и в других жанрах тоже стоит себя попробовать. Можно придумать запутанную историю о девушке, пережившей кому (вот где пригодится личный опыт!), и пусть она будет как-то связана с таинственным убийством. Харизматичный детектив (молодой, но жутко умный!) возьмётся за расследование, но без помощи героини не сможет обойтись. Идея с каким-нибудь наследством избита, а вот если добавить немного мистики из разряда переселения душ, то может получиться неплохо.

Но нет, это всего лишь моя фантазия бушует от безделья в палате.

2.1

Совокупность сбитого воздуха с бесконечностью вселяет ужас. Нельзя назвать водную гладь морем или океаном, это нечто большее. Нескончаемая по своей широте и глубине жидкость. Она не имеет запаха. Создатель не оставил тут солнца и луны. Тьма, в которой со дня её создания дрейфует один лишь корабль. Он единственный, хоть и очень тусклый, источник освещения, в свете которого видно, как густая, словно нефть, мгла обнимает судно. Консистенция воздушного пространства такая, что кажется ей можно не только дышать, но и пить её. И это парадоксально. Постепенно, с эволюцией человечества, судно видоизменялось. От маленькой деревянной лодки до красивейшего по всем меркам кораблестроения лайнера.

– Сколько мы уже здесь?

Вопрос остаётся без ответа. Они устали не физически, нет, это место высасывает из тебя совершенно иные соки.

– Корабль огромный, – произносит высокий детский голосок.

– Да, Генри, большой. – Отец мальчика, Росс, бывший полицейский, хмурится. Он утратил всякую надежду, однако не хочет признаваться в этом остальным. И не признается ни за что на свете, только не жене и сыну. Кэрол и Генри – вся его жизнь.

– Хватит, Росс. Ты ведь прекрасно знаешь, что мы перепробовали всё. Может, скажешь ему? – Это Эрик, мужчина крепкого телосложения с добрыми и грустными глазами. Его большие руки лежат на столе сжатые в кулаки, но это не признак злости или нервозности, так, привычка. – Не нужно больше играть в детектива.

Сперва Эрик казался Россу куском дерьма, заботящимся только о своей шкуре. Затем его мнение изменилось. Более приятного и надёжного типа бывший коп ещё не встречал. Однако вот фраза про детектива... Росс был патрульным более пятнадцати лет, и работа эта научила его оставаться мужественным и ответственным, несмотря на обстоятельства. В самом начале он стал именно тем человеком, который может принять лидерство в необычной и стрессовой ситуации, в какой сейчас все оказались. Не было стремления контролировать их, давать приказания. Просто группе людей нужен был старший, и Росс возложил на себя эту ношу.

Но в итоге ничего не изменилось.

– Думаю, нам нужно всё пересмотреть ещё раз с самого начала.

– Росс, ты сам не устал от этого? – Кэрол, верная супруга и соратник во всех вопросах по жизни, тоже отчаялась.

– Милая, простые действия помогают расслабиться и не поддаться панике.

– Ладно, давайте по порядку, – доносится с конца большого стола, где сидит человек в строгом костюме. Ткань одежды тёмная, будто мокрая, а на галстук золотая заколка с красным камушком. Мужчина часто прикасается к украшению, но смотрит при этом на собеседников. – Меня зовут Итан, мне сорок шесть лет, и я владелец сети автосалонов по всей стране.

Оливия, обладательница копны тёмных волос и узкого, но приятного лица, произносит свою реплику с улыбкой:

– Хоть кто-то не теряет присутствия духа.

Генри утыкается в книгу, которую успел осилить наполовину. С одной стороны это может служить неким индикатором времени, прошедшего с их первого знакомства. Как долго восьмилетний мальчик обычно читает книгу в пятьсот страниц? С другой стороны, Генри всегда обожал читать, с того самого момента, как научился.

Он обожал запах книг. Для своих лет успел уже прочитать немало разной литературы. И детективы, и фэнтези, и фантастика, и приключения. Они все пахли по-разному. Космическая фантастика отдаёт всегда металлическим привкусом и резиной, иногда жжёной после

особенно большого и серьёзного сражения в открытом пространстве. Приключения в неизведанных странах и морях оставляют соль на губах. Сказочные леса с эльфами и гномами веют ароматом пряностей и блюд, ранее не пробованных. А суровые персонажи детективных историй всегда пахнут табаком и немного алкоголем. Запах не из приятных, но тоже особенный в своём роде. От папы пахло также, бывало. Крайне редко, но всё же случалось.

– Хорошо, без шуток. Первое, что помню, это как ты, Эрик, пытаешься открыть иллюминатор. Он не поддаётся, и ты ругаешься в полголоса.

– Да, ощущение, будто его спаяли намертво. Или заварили, правда, шва не оставили. Его невозможно открыть. Остальные тоже.

– А я даже не понял вначале, эм, что случилось, ну, тут. – Джордж всегда говорит так, будто тщательно подбирает слова. – Я тупо сидел и, э, пялился на стену, думая, что сказать издателю по поводу книги. Ну, так и не дописал ещё. А он уже сколько названивает. А я тут сижу...

Мальчик невольно улыбнулся, когда впервые взглянул на Джорджа: тот напомнил ему гоблина из книжки про волшебные кольца. Смуглая кожа, тёмные волосы и большой нос. Если гоблина нарядить в серый пиджак с коричневыми заплатами на локтях, получится вылитый Джордж.

– Я смотрела на пианино.

После этих слов Алекса умолкает.

Все поворачиваются к ней. Девушка глядит в одну точку и больше ничего не говорит. Может показаться, что она пытается что-то вспомнить: брови немного хмурятся. Кэрол, также молча, встаёт и идёт к инструменту. Она садится на кем-то любезно оставленный стул, открывает крышку, вытягивает руки вверх. Её пальцы на несколько мгновений застывают над инструментом – и музыка заполняет комнату.

Мелодия ненавязчива и проста. Несколько нот, вступление негромкое, однако оно разрастается, ширится, совсем чуть-чуть, и возвращается к начальным нотам. Грусть волнами разбегается по помещению, охватывая каждого. Становясь то громче, то тише, музыка едва лишь касается лиц слушателей, и кажется Генри, словно собирается взять за руку и подвести к постели тяжелобольного. Всего три минуты, и мелодия стихает, умирая беззвучно и скорбно.

– Чайковский, Детский альбом, Болезнь Куклы, – негромко комментирует Кэрол.

– Ты так давно не играла, – среди общего молчания произносит Росс.

– Думала, разучилась и забыла. – Пауза. – Странно, до слов Алексы я и не замечала здесь пианино.

Мальчик осматривает в который раз помещение, надеясь найти что-нибудь новое. Как книгу, которую обнаружил в углу на полочке. Маленькое сердечко билось часто-часто, пока он разглядывал, крутил-вертел неожиданный подарок. Прямоугольной формы в зелёной бумаге с блёстками и маленьким цветастым бантом. Настоящий подарок, как на Рождество! И определённо книга! Для Генри они всегда были лучшим подарком. «Корабли мира. Разновидности. Морские термины». Теперь он не выпускает её из рук.

1.2

Если бы мне доверили придумать наказание для заключённого, которому сложно передвигаться и выполнять физические упражнения, я бы выбрала безделье. Невозможно передать, каково это, когда совершенно нечем занять себя. В тюрьме они могут работать и тренироваться, например. Рисовать на стенах, общаться с другими, звонить домой родным – тоже дело. Если всё, что ты можешь себе позволить, это слегка поменять положение пока лежишь, то готовься к худшему.

Через три дня такого весёлого развлечения ты просишь хотя бы телевизор в палату.

– Нет, пока нельзя.

– Пожалуйста!

– Нет. На самом деле, у нас просто нет лишнего телевизора. Почитай книжку, милая моя.

И шарк-шарк по коридору. Сиделка у меня хорошая, только вот очень старенькая, и поговорить нам не о чем.

Я закрываю глаза. Спать не получается. Кажется, что выпалась на две жизни вперёд.

Постепенно привыкаешь к режиму. Ранний подъём – приём лекарств. Затем можешь немного подремать, а после – завтрак. Врачи хвалят, что быстро идёшь на поправку. Не умываешься, потому что нет пока возможности добраться до туалета. До обеда около четырёх часов. Стыдно, когда помогают оправиться, подмывают, не смотрят при этом в глаза. Не думаю, что кто-то привыкает к этому, сколько бы тут ни находился.

Обед. Приём витаминов. Разговор с медсестрой, а после этого осмотр врача. Да, всё хорошо. Нет, ничего не болит. Надоело лежать. Что? Я скоро смогу гулять?! Здорово, а когда? Ясно. Почему такая грустная? А вы тут сами лежали? Всё же улыбаюсь – доктор шутит взрослыми шутками, но мне всё равно смешно. Классный мужик!

Ближе к трём часам дня плавится мозг, и ты просто жаждешь, чтобы кто-нибудь пришёл. Примерно к этому моменту как раз заходит мать или отец. Они пораньше отпрашиваются с работы, чтобы сразу приехать ко мне. Дважды посещают незнакомые люди в полицейской форме. Они интересуются всеми деталями происшествия. Ничего связного сказать не могу, в памяти пробел. В очередной раз за день у тебя спросят, как себя чувствуешь. В очередной раз ответишь – хорошо. Начинаешь ненавидеть это слово «хорошо». Перестаёшь понимать, что оно значит вообще.

Приятнее всего, если приходит сестрёнка. Специально выбирает такой момент, когда нет родителей, особенно матери. А ещё, она может навестить даже утром, убежав с занятий. На целых полчаса я могу забыть, где нахожусь и в каком положении. Когда она рядом, я совсем теряю счёт времени, и потом, видя, что проходит только тридцать минут, понимаю, что мне они кажутся целой вечностью.

Так продолжается изо дня в день, раз за разом, раз за разом.

Сутки слипаются в одну смазанную полосу.

Но через какое-то время приходит мой доктор. Он улыбается, будто знает тайну и хочет ей поделиться.

– Я уверен, вопрос «Как ты себя чувствуешь?» уже набил оскомину. – И смотрит в медкарту.

Он так и говорит, «набил оскомину». И где только выражение подцепил?

– Да.

– Тогда я хочу тебя удивить. Ну, что ж, думаю, тебе можно потихоньку выбираться из постели.

Я теряюсь с ответом. Неужели меня выписывают? Но ведь встать я по-прежнему не могу. А ещё есть вещь, в которой страшно себе признаться. Я не чувствую ног.

Улыбаясь, он зовёт медсестру и продолжает с теплотой на меня смотреть. Несколько долгих минут, и скрипит дверь в палату. Доктор придерживает её, чтобы пропустить сначала кресло-каталку, а затем ухаживающую за мной старушку.

– Ну, давай попробуем?

Я молчу. Сердце вдруг начинает биться в дикой истерике.

– Нет.

Он приподнимает брови:

– Не хочешь? Но в этом нет ничего зазорного.

Он продолжает говорить что-то ещё, а я только молчу и таращусь на кусок металла с мягкой обивкой. Не могу поверить, что придётся передвигаться так. Этого просто не может быть. Выходит, теперь я калека? Как? За что? Почему мне никто не сказал раньше? Я отворачиваюсь, глотая слёзы.

Доктор просто выходит, уводя за собой женщину. Я остаюсь плакать в одиночестве.

***

Я смогу ходить примерно через год. Так он мне сказал. Пока что временно придётся обходиться коляской. Но это всё пройдёт, нужно только потерпеть. Конечно, из-за травм необходимо оформить инвалидность. Но это ничего, не страшно. Зато можно экономить на транспорте.

Все удивляются и хвалят меня, какая молодец, хорошо держусь и быстро поправляюсь. Но кресло я пока не трогаю. Страшно. Обещаю себе, что завтра обязательно попробую пересесть сама, потому что чувство стыда во время мытья гораздо сильнее небольшого неудобства передвижения.

Полночи не могу уснуть. Не могу представить себя на колёсах. Не могу представить, как передвигаться по дому. Не могу представить себя в школе в таком виде.

В какой-то момент, прямо посреди ночи, собираюсь с силами. Сажусь, опираясь на руки. Коляска – вот она, рядышком с кроватью. Медсестра, словно специально, оставила поближе. Тогда я глубоко вздыхаю и подтягиваю её ещё ближе. Сползаю на край, спускаю ноги. Они стали невероятно худыми, косточки выпирают. Делаю глубокий вдох и дёргаюсь вперёд.

...Лежу на полу и рыдаю. Ушибла локти и подбородок. Так проходит какое-то время, пока я не замерзаю на холодном линолеуме. Запах хлорки бьёт в нос. Только сейчас понимаю, что если бы кто-то меня услышал, то позора я бы не пережила. Лёжа на спине, стучу кулаком по полу, но негромко, пытаюсь разозлить саму себя.

Опять сажусь, вытягивая непослушные конечности, только таким образом, чтобы опереться одной рукой о край кровати, а второй – о сиденье коляски. Делаю усилие: напрягаю руки так, что мгновенно бросает в пот. Похоже, я слишком слаба. Локти не разгибаются. Падаю обратно, и теперь болит зад.

Чёрт-чёрт-чёрт!

На этот раз слёзы не текут. Я представляю сестру: что она могла бы сказать, как поддерживать. Верю, что именно она вытянула мой разум из той тёмной бездны. Её голос вытащил меня. Значит, я сделаю это ради неё!

Пробую опять.

И ещё.

И ещё разок.

Набиваю синяки на заднице и бёдрах, обдираю локоть, ломаю ногти.

А когда получается в первый раз самой забраться на коляску, едва сдерживаю крик радости. Это ни с чем не сравнимое чувство – я смогла! И затем повторяю свой подвиг: с кресла-каталки на пол, затем обратно, оттуда – на кровать, а с кровати опять в кресло. В итоге,

измученная, но полностью удовлетворённая собой, ложусь на невообразимо мягкую подушку. И засыпаю с улыбкой, впервые за долгое время без кошмаров.

А утром, когда причитающая старушка-медсестра протирает раненый локоть раствором, продолжаю улыбаться.

– Господи, где же ты так, милая моя, умудрилась, а?

– Коляску опробовала.

– А, так ты училась заново сидеть, как малыш? – Она улыбается с добротой и ехидством.

– Нет, я научилась сидеть, как взрослая, – гордо отвечаю и тут же вскрикиваю от боли в локте.

***

Наконец, приходит день выписки. День, когда можно вернуться к нормальной жизни. Конечно, как раньше уже не будет. Всё теперь поделено на До и После. В конце концов, нормальность определяется нынешней степенью отклонения от неё.

Входит доктор, который меня ведёт. Знаете, они сами так говорят: «вести пациента». Он помогает собрать вещи и добраться до центрального входа, где уже ждёт мама.

– Я рад, что ваша девочка покидает нас. Лучше я буду сам приезжать периодически для обследования на дом. – Он улыбается и передаёт маме мою сумку.

Доктор – лет сорока пяти, приятный, с тёмными волосами. Высокий лоб говорит о развитом интеллекте; с ним будет интересно пообщаться. И симпатичный, вдобавок ко всему. Я благодарю его, а у мамы на глаза наворачиваются слёзы. Думаю, от радости.

Он оставляет нас, а я на секунду замираю. Нет больше стен – вокруг целый мир. Яркое и тёплое солнце, куда-то идущие люди и головокружительный воздух без посторонних химических примесей, к которым, конечно, привыкаешь за пару дней. Непривычный воздух. Голову слегка кружит, а в груди образуется небывалая лёгкость.

Подъезжает такси, и мне помогают сесть на заднее сиденье. Мама присаживается рядом и называет адрес. Затем обнимает меня и ласково целует в лоб. Такого давно не было.

– А где папа? – Я понимаю, что вопрос ей не понравится, но не могу удержаться.

– Я хотела встретить тебя сама. Но он придет поужинать, – уверенно отвечает она, сразу закрывая вопрос. – Смотри, что тут есть для тебя.

Это подарок. Прямоугольной формы в зелёной бумаге с блёстками и маленьким цветастым бантом. Книга! С широкой улыбкой я судорожно срываю обёртку. И это лучший подарок, возможный в такой момент: Р. Бахман «Блейз», редкое подарочное издание. У меня есть принцип – я читаю всегда только с бумаги, никаких электронных «читалок», смартфонов и прочих способов передать печатную информацию.

У бумаги есть свой неповторимый приятный запах. Сначала это предчувствие неизведанного, влекущий аромат будущих приключений. Но когда дочитываешь последнюю главу, то ощущаешь, как пахнет чем-то родным, близким. Домом. У новой книги слышен лёгкий, едва уловимый хруст страниц. Как первопроходец, делая широкий шаг, тыходишь каждый раз в новую историю.

Книга хоть и не новая, но этот роман мне хотелось несколько месяцев, с тех пор, как он появился в местном книжном магазине. Я сжимаю маму в объятиях, как можно крепче, получается немного резковато. Кажется, у меня глаза на мокром месте. Может, это и есть оно, счастье?

2.2

Помещение называется «кают-компания». Почти ничего нет из мебели. Большой круглый стол, деревянный и старый, много тяжёлых, но мягких стульев – занято лишь восемь. Очень тёмный ковёр, который вначале показался мальчику чёрным, но оказался бардовым. Наглухо закрытая железная дверь и ил-лю-ми-на-то-ры. Сложное слово для восьмилетнего разума. Однако Генри обещает себе, что потренируется произносить его правильно и быстро.

– Мои часы стоят с самого начала. Не получается завести. А настенных здесь нет. – Это вновь Джордж подаёт голос.

Росс смотрит на свои руки. Не знает, что сказать, ничего не всплывает в памяти о первых минутах здесь. Это пугает. Но в его голове всплывают другие события.

– Я помню, что мне дали, наконец, отпуск. Помню, Кэрол, как пришёл домой пораньше, чтобы тебе сказать. Тихо вошёл через заднюю дверь, хотел сделать сюрприз, но не получилось, потому что в гостиной было полно народу. Пахло пирогом из тыквы, по рецепту твоей мамы. Даже раздеться не успел. Сидели Флемминги и учительница Генри. Ещё тот тип, как его звали? А, да, Фишер, психолог. Вид был у всех встревоженный. Случилось какое-то несчастье в классе. Нет-нет, не с нашим Генри, не смотри так! Просто сын Флеммингов кинулся на девочку и искусал в кровь, даже ухо отгрыз. А Генри не видел ничего, только следы в классе и как того малого увозили санитары. Не помню, как звали пацана. Ты помнишь, Генри, сынок?

– Нет, папа, – едва дыша, отвечает мальчик. Он и правда не помнит ничего такого. В его голове только начинает вырисовываться страшная картинка происшедшего в классе, но он отмахивается от неё легко, как только может детский ум, и погружается в чтение.

– Знаешь, дорогой, я тоже не могу ничего сказать... Это когда было?

Росс не отвечает, думает. Ответ не приходит, ни дата, ни месяц. Года тоже нет. Время словно давным-давно исчезло с лица мира.

Тишина расплзается по углам, как хозяйка помещения. Слишком часто они молчат, но ничего не могут поделать с этим. Всё время приходится собираться с мыслями, чтобы не потерять нить и без того сложного разговора восьми уставших людей.

Кэрол искренне старается, но ничего не идёт в голову. Мелькают какие-то намёки: запахи, смутные силуэты, возможно, и правда, Флеммингов, ещё она припоминает, как хотела рыдать, но не может никак осознать причину. Может, горькая обида? Да, нечто похожее...

– А у меня как раз заканчивались последние экзамены, – задумчиво тянет Алекса. – Да, лето было в самом разгаре. Чётко помню, как сдавала последний экзамен по Лексикологии. Я оставалась одной из последних в аудитории, и наш учитель мистер Уоллош всё время поглядывал на часы. Когда он двигал запястьем, то солнечный зайчик бил мне прямо в глаза – так неудачно я сидела. Потому и сосредоточиться не могла! Какой-то парень в очках как раз ответил на твёрдую «тройку», только меня такая оценка не устраивала, вот и сидела до последнего. – Задумчивая пауза. – Не могу вспомнить, как звали одноклассника в очках... «Китти, к барьеру», сказал он. Мистер Уоллош всех девчонок так называл. Старый хрыч, хотя по внешности не дашь больше пятидесяти. Он вообще мужик классный был. – Алекса тепло улыбается, оглядывая присутствующих. – Я вышла, коленки трясутся, ладони мокрые – жуть! А он так посмотрел и сказал: «За проявленные смелость и общую эрудицию в течение семестра, а также же за особую выдержку, чтобы досидеть до конца экзамена, объявляю благодарность! Можете идти, «пять». Уже на улице я поняла, как обидно было всё выучить и не ответить. На часах было без пяти четыре.

– А сейчас? – спрашивает Джордж с явной симпатией. – У меня нет своих.

– Одиннадцать ровно. Не знаю, правда, утро или вечер.

Оливия вскакивает, упирается в столешницу и осматривает всех по очереди.

– Вы что, всерьёз думаете, вся эта чушь нам поможет? Вы тут ещё детские фотографии сядьте пересматривать! Не в обиду, малыш. Знаете, что помню первое здесь? Вот этот долбанный ковёр! – Она показывает пальцем на пол. – Я тут валялась почти под столом, а эта дрянь, ворс, щекотал мне нос. А знаете, чем он пахнет? Ничем! Даже запаха пыли нет, будто его тут надраивают каждые полчаса. Если вам это не кажется странным, что вы решили посидеть и пообщаться на отвлечённые темы, то даже не знаю, чем вас удивить. Хотя, нет, знаю! Это чёртов круизный лайнер, на который, я уверена, никто из нас не покупал билетов! А ещё заваренные люки, закрытые двери и полное отсутствие людей. Дьявол, я даже не понимаю, мы движемся, или нет!

– Честно сказать, я, э-э, не ощущаю качки. В кино видел, ну-у, что какое бы большое ни было, эм, судно, если оно на воде, даже теплоход, всё же качает. Ну, на волнах. А тут... ничего. То есть, вообще ничего.

– Молодец, Джорджи, милый, – сладко воркует Оливия, но затем её нервный тон возвращается: – Такие лайнеры просто огромны. Эта гигантская махина, может, вообще уже потонула, да мы не в курсе. У нас как-то проходили съёмки на таком, и тут сотня человек может неделю бродить, да так и не встретиться друг с другом. За пару дней фотосессии прокляла всё на свете и своего агента в придачу. Этот идиот Артур, голубок недообрезанный, пошёл за водичкой, и отыскиали его только к вечеру. Сидел и плакал в каком-то машинном отсеке, весь в соплях и мазуте. Я думала бросить его прямо там, может быть, мужика себе хоть нормального найдёт.

– Что значит «недо-об-резанный»?

Вопрос Генри остаётся без ответа.

– Так вы у нас модель, Оливия? – Итана совершенно не трогает её тон. Будто и не стоит она сейчас с горящими глазами и дрожащим голосом.

– Да, что б вы, знали, чёрт вас задери!

– Тише, Оливия, хватит ругаться при моём сыне, – требует Росс, слегка повышая тон.

Эрик тоже поднимается.

– Эх, ладно, котятки, всё-всё, я спокойна. Нужно было просто выплеснуть немного эмоций. Да, всё бы за сигарету отдала, даже себя. – И сама же смеётся.

– Ну, так расскажите о своей особе, мисс Оливия, – просит Итан спокойным тоном.

– Нечего толком рассказывать. Работала моделью, последнее время контрактов нет. Отдыхаю и набираюсь сил, сидя здесь с вами, перед очередной попыткой покорения обложек глянцевого журналов.

– Поделись своей историей, может, это как-то поможет прояснить ситуацию! – Это уже Алекса. – Я вот во время рассказа хоть что-то вспомнила.

Оливия задумывается.

Нарастающий рокот, похожий на тот, что издаёт ракета во время взлёта, вот только извергает его нечто живое, перерастает в глухой гул и прокатывается по всему помещению. Рождённый где-то за пределами доступного горстке людей пространства, звук становится всё громче, достигает высшей точки именно здесь, в кают-компании. Затем также беспрепятственно отправляется обратно в недра корабля.

Все боятся шевелиться. За столом теперь восседают не людские фигуры, а лишь глаза. Только они смеют шевелиться, перебегая от одного недвижимого лица к другому. Мальчик зажмурился и старается задержать дыхание.

«Мамочка!». Вроде, он произнёс это вслух?

– Тише, малыш. Всё... хорошо...

Проходит несколько томительных секунд, и Генри решается поднять веки. На лицах написана единая эмоция ужаса, но никто не смеет двинуться. Он поворачивает голову, и глаза его раскрываются от удивления. Мама жмурится!

«Она, что, тоже боится? Такого просто не может быть! Как это так, мою мамулю напугали какие-то звуки?!» Душа Генри оказывается в таком смятении, какого ещё не случалось за долгие восемь лет. Первые восемь лет его жизни. Однако с мыслью, что его любимая мама, судя по всему, мало отличается от остальных напуганных персонажей этого фильма ужасов, к мальчику приходит некий необъяснимый покой. Чистая детская душа устанавливается в шатком балансе, а маленькое сердечко не спеша замедляет биение.

Генри глубоко вздыхает. Он смотрит на папу – тот сосредоточен. Мальчик совсем успокаивается. Папа не предал.

– Тишшш, без паники, – негромко говорит Джордж. Не понятно, кого именно он пытается утешить. – Я немного читал о кограблях. Я знаю. Такой звук – обычное дело. Давление. Да, да, оно. Давление на когрпус. На балки, такие балки, они идут свегрху вниз. Называются... называются...

– Шпан-го-у-ты, – вдруг подсказывает Генри. И невольно улыбается.

Джордж поворачивается к мальчику. Его рассеянный взгляд вдруг становится серьёзным, он хмурится, затем фальшиво улыбается в ответ. Застёгивает верхнюю пуговицу рубашки со словами:

– Да, малыш, действительно. Шпангоуты. Давление на металл вызывает такой жуткий звук. Бояться нечего.

– А я совсем не испугался! – с вызовом отвечает Генри.

– Ты мой маленький храбрец. – Кэрол обнимает сына за плечи. – Да, ты совсем ничего не боишься.

Мальчик оглядывает всех – кажется, многие верят. И он сам верит. Хорошо, когда взрослые могут дать объяснение и призракам в шкафу, и монстрам под кроватью, и демонам в подвале.

Росс встаёт:

– Мы все знаем, что дверь закрыта отсюда, изнутри, а люки намертво привинчены. Нам ничто не угрожает.

Они понемногу расслабляются. Ёрзают на стульях, кто-то кашляет, кто-то стучит пальцами по столу. Все возвращаются к жизни. Оливия продолжает жмуриться и обнимает себя за плечи, тяжело дышит.

– Я слышу... слышу, да, гул двигателей! – внезапно громко говорит Джордж. – Мы движемся, эм, плывём!

Все прислушиваются.

– И ты только сейчас это расслышал? – Итан кажется спокойнее всех. – Пожалуй, это первое, на что я обратил внимание с самого начала. Насмотрелся и наслушался моторов за двадцать восемь лет автомобильного бизнеса. Однако работающий двигатель, не означает, что мы куда-то движемся...

1.3

Я долго привыкаю к дому. И дело не в том, что давно здесь не была. Фактически, месяц, однако он кажется мне столетием. Учусь передвигаться, не задевая предметы мебели. Тренируюсь доставать то, что лежит теперь непривычно высоко. Туалет с ванной это вообще отдельный рассказ. В конце концов, справляюсь. Оттаиваю. Есть ещё порог входной двери. Он тоже требует времени. Мне необходимо научиться выбираться на улицу без посторонней помощи, иначе не следовало вообще сюда возвращаться.

Комната моя не очень большая, но в ней умещается всё, что нужно. Шкаф-купе – он стоит справа от входа – экономит пространство, да и вещей у меня не особо много. Не могу сказать, что я большая фанатка шоппинга, как все ровесницы, включая сестру. Среди всех вещей у меня есть парочка любимых балахонов и футболок. Одни чёрные джинсы. Эти вещи в моём гардеробе уже несколько лет.

Почти вся противоположная стена завешена постерами и плакатами разных писателей и музыкантов. Тут и «The Offspring» и «30 Seconds to Mars» и великолепные «System of a Down»; рядом невзначай расположились Стивен Кинг и Агата Кристи, Шерлок в исполнении Камбербэтча. Хочу ещё найти где-нибудь плакат Несбё. На некоторых есть автографы, которые я заслуженно получила, отстояв в нескончаемых очередях. Левее, в углу, располагается компьютерный стол. Не сильно разбираюсь в технике – обычный компьютер с выходом в Интернет, который позволяет мне написать что-либо по школьным нуждам и посмотреть фильм. Правда, последнее случается крайне редко.

Ну, на мой взгляд, часто подводит съёмочная группа. Особенно сильно разочаровывают экранизации любимых книг. Да это просто ужас! Я понимаю, в первую очередь надо адаптировать историю под сценарий, что достаточно трудоёмкий процесс, но если не получается сделать хорошо, значит не следует делать вовсе. Зачем? Я не умею петь – я не пою. Не можешь сделать хороший сценарий из готовой книги? Не делай! Конечно, есть и достойные работы: «Побег из Шоушенка» и «Зелёная миля» по маэстро Кингу; «Заводной апельсин» Кубрика по Энтони Бёрджессу получился просто божественным. Однако сколько же снимают недоразумений... Не буду их перечислять.

В шкаф своим низом упирается кровать. Она стоит вдоль окна, из которого открывается интересный вид на сквер. Он недалеко – не очень большой, но уютный, в нём много деревьев. Над каждой скамейкой нависает фонарь. Слышно, как листву обдувает лёгкий ветерок. Я часто наблюдаю за бегунами и теми, кто выгуливает собак.

Напротив окна и рядом с компьютером моя личная святая святых: книжный шкаф. Портал, через который можно сбежать на таинственный остров или в мрачный замок. Это словно большой дом, и мои самые близкие друзья живут там. Настоящий джентльмен Пуаро с превосходными манерами и истинно британским акцентом. Его соотечественник мистер Холмс, курящий трубку и задумчиво смотрящий в окно. В своих апартаментах в кресле расположился Харри Холс, но мать бы не одобрила такого друга. И ещё множество других.

Не люблю читать в сумраке, потому в помещении всегда очень светло. Каждое утро солнце первым делом озаряет книги, а я, открыв глаза, любуюсь ими. Кажется, будто они тоже только проснулись и теперь зовут в свои миры. Разноцветные корешки похожи на двери: тяжёлый тёмный дуб, или скрипучие двустворчатые ворота, а где-то раздвижные переборки. Дворцы, леса, фрегаты под парусами и космические корабли – все они прямо здесь, у меня в комнате.

Мама зовёт ужинать, и я уверенно перемещаюсь с кровати в кресло. Отправляюсь на кухню, предвкушая долгожданную домашнюю пищу. Мама сообщает, что отец не может приехать. Так что мы едим вдвоём.

Жизнь постепенно возвращается в привычное русло.

***

Несколько слов о маме.

Дисциплина.

Привычка.

Строгость.

Контроль.

Пока я не готова покинуть дом и отправиться в самостоятельную жизнь, должна следовать принципам и правилам. Это почти дословная цитата. Сначала дела – потом развлечения. Иногда ей может показаться, что проделанная работа, по дому или в учёбе, не достаточно... не достаточна. То есть, например, прибранный дом и вымытые окна не являются гарантом свободного вечера. Надо сделать что-то большее: вымыть машину, прополоть сорняки в садике, слетать на луну за грунтом для исследований, не важно.

Или же это может быть изначально Большое Дело. Подклеить обои в гостиной – вдруг подруга увидит и подумает, что мы нехозяйственные какие-то! Разобрать хлам в подвале – сколько можно хранить всякое папашино барахло? Его ведь приспособить не к чему. Не понятно, барахло или папу. Обойти весь пригород, а возможно, отправиться в центр города, ради какой-нибудь вещи (хоть садовых ножниц, лишь бы её полностью удовлетворяло качество). Покупка чего-либо – очень важное действие.

Как можно увидеть, дело не в фактическом объёме работы, а в критериях, придуманных ею.

А ещё есть распорядок дня. Подъём не позже восьми утра, каждую субботу на час раньше из-за генеральной еженедельной долбанной уборки; приём пищи строго по расписанию, отбой в одиннадцать вечера или раньше. График еды может слегка сдвигаться только из-за процесса готовки. Подъём и сон – никогда. Если вечером хочешь принять ванну – не дольше двадцати минут, и не используя душевой шланг. Ванну после себя тщательно смыть и протереть тряпочкой. Не нужно лишней влаги.

Тряпочки... Они везде, и их миллион. На всякий случай. Всё, что может быть использовано под ветошь, ни в коем случае нельзя выбрасывать. Где-то в доме можно найти кусок моих первых джинсовых шорт возрастом шестнадцать лет. И совершенно необязательно покупать что-то новое, если вместо этого можно использовать тряпочку.

Качество продуктов питания определяется не составом, а *уже* устоявшимся мнением, которое никакие доводы не изменят. К слову, мамино отношение ко всему, начиная замороженной рыбой и заканчивая поддержанными авто, установлено раз и навсегда. Не стоит думать, что моя мать глупая женщина. Наоборот, начитана и образована, и потому – непоколебима в своей привычке всё делать, как считает нужным.

Её слово – последнее и нерушимое.

Послабление она даёт только животным, которые лучше людей. А чтобы считать человека достаточно хорошим, сначала его нужно узнать. Родство не играет значительной роли. Так случилось с её отцом. До самой смерти бабушки, он бывал у нас в гостях всего пару раз. Но случаи то были особые.

Впоследствии так случилось с моим отцом, который оказался «дурак и слабак».

***

Следующие две недели я отчаянно ищу, чем себя занять. Первая радость от возвращения домой проходит, истает, словно аромат вкуснейшего блюда, простоявшего пару дней

на столе. А затем и вовсе протухает. Новую книгу я проглатываю за первые три дня. Она даёт некоторую пищу для размышлений, однако ненадолго. Всё сильнее наваливается скука.

Когда-то давно, ещё в начальной школе, я занималась музыкой, скрипкой. Из всех знаний в голове более-менее отложились нотная грамота. Однако от приобретения электрогитары мать категорически отказывается. У неё в последнее время бывают мигрени. Мне кажется, что она просто не переживёт, если по вечерам в доме будет какой-либо другой звук, кроме её вечернего шоу на третьем канале. В сети я отыскиваю множество «самоучителей», но мечтам о музыке не суждено воплотиться.

Затем я пробую компьютерные игры. Сначала однопользовательские ролевые, вроде «Последнего проклятия». Но гонять группу персонажей по бесчисленным подземельям оказывается слишком однообразно и утомительно. После идут шутеры – «Шквальный огонь II». Но мне не нравится постоянно погибать. Итог – в топку. Ещё пытаюсь играть в стратегии и симуляторы – что это вообще? После пары часов игры мне кажется, что в мире за окном прошла пара веков, а я при этом не сделала совершенно ничего полезного.

Удивительно, но браузерные игрушки в социальных сетях убивают целый вечер. И на следующий день от них уже физически тошнит. Так бесславно заканчивается коротенькая глава моей жизни, связанная с играми. Знакомые в сети советуют он-лайн сражения, но я пока не готова.

Мастерить руками – не умею.

Петь – пройденный этап наравне с музыкой (и тем же результатом).

Рисовать мне не интересно.

Раньше казалось, что книги, как формат развлечения, бесконечны. Я ошибалась. Всё, что у меня есть, и так перечитано по три раза. Купить новые пока нет возможности. Того и гляди, придётся поступиться своими принципами и качать электронные книги.

***

Очередной вечер. Кухня, ужин, мама.

– Какие планы на завтра?

Как всегда, она не включает телевизор во время ужина. Мы сидим на кухне и смотрим друг на друга. Точнее, я пялюсь в тарелку, а она – на меня.

– Ты оглохла?

– Нет. Не знаю.

– Тогда ты можешь протереть от пыли посуду в серванте.

– Хорошо. Только я не достану до верхней полки.

Ненавижу бобы и брокколи.

– Я с вечера сниму тебе всё.

– Хорошо.

Лучше бы она включала хоть что-нибудь на фон, чтобы отвлечься. Такие ужины давят. Особенно когда не знаешь, о чём поговорить. Я согласна даже на её вечернее ток-шоу о бесконечных изменах, разводах и прочей чуши.

– А потом можешь прогуляться. Сходила бы в сквер, что ли. Что дома сидеть? И мусор бы вынесла.

– Сходила?

Никак не могу привыкнуть. Просто накатывает тоска порой, но это больше от безделья. Мне совершенно не на что переключить внимание. И я часто мучаюсь от осознания собственной никчёмности. Понимаю, что всё временно, но легче не становится. Только чётче осознаю, как медленно ползёт время до выздоровления.

– Скаталась, – поправляется она. Никакого «извини».

Я откладываю вилку. Комкаю салфетку. Медленно отталкиваюсь от столешницы и пытаюсь развернуться. Пока не очень ловко получается, но научусь со временем.

– Хорошо, скатаюсь. – Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не нагрубить. Видимо, накопилось за последние дни. Серые и длинные, тоскливые и пустые дни. Может, поплакать, и станет легче?

– Ты какая-то нервная. Может, месячные?

– Нет! – отвечаю слишком резко. Скорее в комнату!

– Возьми таблетки в спальне. Я всегда их пью в эти дни. Они на комод, там.

– Да! Возьму! Завтра! Схожу и возьму!

Неловко лавирую между мебелью до своей двери. Мать даже не удосуживается как-то мебель переставить для моего удобства. Действительно, зачем? Её дочь всего лишь на коляске передвигается по дому, какие тут могут быть неудобства?!

Хлопаю дверью и прячу лицо в ладонях.

***

Сквер рядом с домом мало приспособлен для инвалидов-колясочников. Дорожки ровные, и то хорошо. Много ступенек, порожков, ограждений. Однако всё не так плохо – вполне можно добраться до ближайшей скамейки. С главного входа необходимо проехать вправо до упора. Здесь будет стоять одинокая лавка, окруженная клёнами. Небольшой закуток, спрятанный от чужих глаз. Раньше сидеть здесь просто так было для меня чем-то немыслимым, однако теперь лучшего места не найти.

Можно спокойно покурить.

Купить сигареты самой в первый раз после больницы, чтобы никто меня не увидел и не доложил матери, оказалось не так просто. Если раньше я могла пойти в магазин, о котором она даже, наверное, и не знала, то теперь задача кардинально усложнилась. Но мне удалось. Три дня назад я отправилась, якобы, на прогулку. Катить пришлось довольно долго и далеко. Никогда раньше не задумывалась, что тротуары – крайне неудобная и ненужная штука. Можно ведь просто заборчиком отделять проезжую часть от пешеходной. Зачем такие сложности, вроде дополнительных пандусов, постоянных спусков и подъёмов? Затем оказалось, что далеко не в каждом магазине эти чёртовы пандусы вообще имеются. Видимо, их специально ставят там, где они совершенно не нужны, и наоборот.

В итоге, подходящий магазинчик обнаружился, к моему удивлению, совсем недалеко от дальнего входа в сквер. Именно его я выбрала только потому, что не было никаких ступеней. Открытая дверь и совсем небольшой порожек. С таким я справилась, лишь слегка вспотев.

– Сигареты. Тонкие и лёгкие какие-нибудь.

Старик лет шестидесяти недовольно взглянул сверху вниз.

– Совершеннолетняя? – Голос неприятный и скрипучий. Может, много курит? Мелькнула мысль ничего не покупать, не травиться.

– Конечно. Да и не себе. – Дура, вот зачем лягнула? Ведь точно теперь подумает, что как раз себе. Ещё потом и расскажет, как девчонка-калека сигареты брала, то-то умора.

Улица была пуста из-за жары, машины здесь редко проезжали, а пешеходы держались ближе к центру. Где-то в углу гудел маленький вентилятор.

Старикан достал пачку, я протянула деньги.

– Как ты тут одна гуляешь?

– Недалеко живу, – соврала я.

– Не видел раньше.

– Я свежая калека. Всего доброго.

Как можно скорее я попыталась выбраться оттуда. Хотя понятно, что не получилось. Сначала развернулась, слегка зацепив что-то на полке. Оно, благо, не упало. Но упали сигареты: соскользнули с колен. С трудом дотянулась. Резко покатила на выход, чуть не въехав в стеллаж с очками. Обошлось. Остался порожек. И как назло, переднее колёсико завернулось и заклинило.

Я дёрнулась раз, два. Не идёт. Уже потянулась, чтобы схватиться за дверной проём.

– Давай помогу.

Не обернулась, но почувствовала руки на своей коляске. Продавец нагнулся, выровнял колесо и протолкнул меня вперёд.

– Спасибо, – пробормотала я, всё также не оборачиваясь. Прочь скорее отсюда!

Мне показалось, будто я спиной ощущала его взгляд.

И теперь, прячась здесь каждый день, пока вокруг никого нет, я могу спокойно закури́ть и выдохнуть дым, смешанный с нервами и обидой. В пачке остаётся ещё пара сигарет. Не хочется думать о следующем разе, когда вновь придётся ехать в магазин.

Как же всё сложно. Даже в этот долбанный сквер попасть проще, чем выбраться. Пандусы на главном спуске слишком крутые, чтобы подняться. Какой-то идиот просто не подумал, каково это, перебирая только руками по колёсам, поднять свой вес вверх по гладким сходам.

Всё, нужно успокоиться. Здесь нет никого, кто меня знает, или в принципе захочет поговорить. Ни матери с её нравоучениями и правилами, ни отца с его молчаливым сочувствием. Он ведь даже словами толком успокоить не может. Чаще просто сидит и держит за руку, или ещё как-то. И молчит! Даже когда нужно что-то сказать!

Шесть букв на дне эмоциональной вертикали: «Кусок ткани или грязная ветошь».

Тряпка.

Ветошь мне больше по душе в его отношении.

– Кто проживает на дне океана? – Чья-то рука ложится на плечо сзади. От неожиданности я дёргаюсь вперёд, роняю сигарету.

– Чёрт!

– Ха-ха. – Сестрёнка обходит меня и садится рядом на скамейку.

– Эри, чёрт бы тебя!.. Я просила!

– Без нервов, Эль. – Она улыбается. Она всегда улыбается, глядя на меня, особенно после того, как я вышла из комы. А я не могу так. – Так кто проживает на дне океана?

– Джек из Титаника.

– Ну, технически, это ответ верный. Держи приз. – Протягивает мне сигареты неплохой марки. – Травиться, так хоть нормальными.

– Мы же без подарков, как всегда?

– А это не подарок. Так.

Пока достаю одну из пачки, неотрывно смотрю на неё.

Она тоже закуривает. Сидим в тишине какое-то время.

– Приходи послезавтра.

– А папу она позвала? – Эри никогда не называет маму – мамой. Только в третьем лице.

– Сказала, что, да.

– А ещё кто будет? Ты Ведьму с Грустным позвала?

– Никому не писала пока. Просто...

Она понимающе смотрит на меня. Произносит сочувственно:

– Она давит, да? Ты, наверное, вообще отмечать не хочешь.

Киваю.

– А она ходит и бубнит: «Вот, давай ещё тётю позовём. Ага. А то как, не вся семья будет. Да ещё твоих со школы приятелей. Ту, печальную, и длинного. Знаю, что Ведьма и Грустный. Это вы сами как-нибудь разберётесь». Так?

– Только вот ни тётку, ни этих двух, никого вообще видеть не хочу. Кроме тебя.

– Да я понимаю.

– Ты придёшь? – Я ведь рехнусь, если её не будет.

Она молчит. И это молчание просачивается холодком между моими лопатками и ниже, вглубь, куда-то под рёбра, в низ живота.

– Папа очень хочет прийти. Лишь бы эта не психовала.

– Эри, я не смогу без тебя, – говорю, наконец.

– Не хочу. Также как и ты, не хочу там быть. Мы ведь обе понимаем, что вечер будет говённый. – Тут она оживляется. – Я знаю, как мы поступим! Немного посидишь, после того как все соберутся, и уходи. Ко мне. Я буду здесь. Тогда и отпразднуем по-настоящему.

Она обнимает меня за плечи. А я расслабляюсь. Только вот так мне бывает спокойно. Только с ней.

2.3

Генри возвращается к чтению, продолжая одновременно слушать, о чём говорят взрослые. Оливия всё не открывает глаз, Эрик пристально смотрит на Итана, но затем отводит взгляд. Он так и не вступает в общую беседу. Кэрл просто сидит рядом с мужем, полностью доверяя ему все разговоры и действия. За годы брака она привыкла, что супругу можно довериться в любом вопросе. Алекса и Росс продолжают беседу.

– Расскажи нам, что помнишь, Итан, пожалуйста.

– Для вас, Алекса, я мистер Итан... просто мистер Итан.

– Ну, тогда для вас, *мистер Итан*, я просто Александра! – обидчиво отвечает она, выделяя едкой желчью обращение к нему. – Александра.

– Принято. Итак, для тех, кто вдруг не помнит, какой сейчас год, поясню: 1986. Слишком много значимых событий случилось за этот год. Точнее за его первую половину. Всю жизнь я работаю с цифрами, потому память на них отличная. Ненавижу лето, жарко. Сам вырос на севере. Легче, когда прохладно. Так лучше думается. Про свои дела подробно рассказывать не буду. Неинтересно. В начале июня выгорела отличная сделка. Договорились открывать новый автосалон на юге страны. Помощник мой парень не глупый, только хватки в делах не хватает. Потому пришлось лететь самому. Встреча с партнёрами прошла удачно. Затем ещё посидели в ресторане. Скажу честно, на юге даже по ночам мне некомфортно. Душно. Чем закончилась вечерняя встреча, рассказывать не буду, здесь ребёнок. Не смотрите так, мисс Александра. Да, я женат, но брак разваливается. Мы практически в разводе. Только подписей не хватает. Да и мои моральные принципы вас не касаются. Итак, могу поделиться своими впечатлениями от моря. Его я увидел вблизи впервые. Оно... великолепно. Мне кажется, такой характеристики хватит. Я смотрел на лунную дорожку на воде, она была бесконечно прекрасной. Это всё кокаин. Тогда я подумал, что для своих лет уже многого достиг. И жизнь может закончиться в любой момент. Необходимо было что-то менять. Потому я решил остаться в том городе на отдых. А вот название города... – Он вдруг потрясённо умолкает, но через несколько секунд справляется с чувствами. – Название города вспомнить не могу.

– Да, ты можешь произвести впечатление! – то ли с сарказмом, то ли нет, произносит Оливия.

– В каком смысле?

– Ну-у, ты такой, взрослый солидный мужчина – бизнесмен, одет с иголочки, да ещё и почти разведён. Мне такие мужики больше всего нравятся! – Оливия подмигивает Итану, но ответной реакции нет.

– Я ведь тоже совсем недавно впервые увидел море. – Всё это время Эрик сидит за столом, но он едва заметен. Как хамелеон, сливается с обстановкой в комнате, изредка выходя на передний план, и просто слушает. – Думаю, что Росс прав. Нам всем стоит рассказать свою историю. Из всего, что со мной было за жизнь, за всё время, что мы тут находимся, я помнил только своё имя, и какие-то фрагменты. Я не сильно разговорчивый и эмоциональный, но то чувство, когда я впервые увидел море... Когда Итан вспомнил про него, меня как осенило. – Он недолго думает. – Это к тому, что мы можем помочь друг другу. Вспомнить. Возможно, ни черта из этого не выйдет, но сама идея хороша.

– Хм-м... Спасибо за интересную мысль. Может, расскажешь о себе, что помнишь из последних дней? – Россу этот парень не перестаёт нравиться.

– Последние дни вспомнить не могу.

– Давай, крепыш, хватит отмалчиваться.

– Точно помню, чем занимался девять лет подряд. – Взгляд Эрика уходит в бесконечное никуда, он заглядывает самому себе в голову, при этом брови хмурятся, но он не выглядит злым. Только тяжёлая грусть на лице.

– А ты воевал? – встревает Генри.

– Нет. От войны меня судьба увела.

– Генри! Нужно быть вежливым и не докучать взрослым! – Кэрол слегка повышает голос на мальчика.

– Что тогда? В коме лежал? – не успокаивается Оливия.

– Срок мотал.

– Что это значит? – На короткое мгновение из образа Оливии уходят дерзость и наглость.

– Ну, сидел. В тюрьме. Понимаешь?

– Давай отсюда поподробнее. – Росс настораживается: много психопатов он видел за службу, и на что они способны, а рецидивисты самые отбитые, им ничего не страшно.

Итан теперь смотрит на Эрика с большим интересом, но встревать не собирается. Эрик же продолжает молчать, лишь хмурится ещё больше. В конечном итоге, отворачивается.

– Так дело не пойдёт, здоровяк! Только я интерес к вам всем начинаю ощущать, так все всё забывают!

Неожиданно Джордж подскакивает на месте:

– Я! Я вспомнил!

Он оглядывает присутствующих, но они не сильно обращают на него внимание. Оливия сверлит взглядом переносицу Эрика, а тот сидит, закрыв глаза, будто на сеансе психотерапевта под гипнозом. Итан изучает ногти, Кэрол отвлекается на Генри, который показывает маме что-то в книге. Росс хмуро оглядывает всех присутствующих.

Однако Джордж не теряет воодушевления и продолжает:

– Мальчик сказал слово «война», и словно фото в голове вспыхнуло. Точно! Когроткий, но очень яркий момент. Я воевал... – Джордж иногда запинаясь, закатывает глаза, вспоминая и подбирая слова. Не каждый сразу оборачивается на его речь, но постепенно историей проникаются все до единого: – Мне тогда исполнилось двадцать два. Я служил в пехоте после колледжа. И так всё было... интегресно! Техника, оружие, новые люди. В пегрвые полгода я заслужил звание «сегржант» и должность замкомвзвода. Ну, это... заместитель командигра взвода. На самом деле, мне было там... комфогртно. В целом пробыл там пять лет. Однако многое грассказать не могу, так как подписал документ о негрзглашении военной тайны.

– А какие ещё военные звания бывают? – перебивает его Оливия.

– Звания? – Джордж на секунду запинаясь: – Ну, мастегр-сегржант, сегржант-майогр, офицегры грязных классов, капграл...

– Ты просто так смешно говоришь, – с милейшей улыбочкой мурчит Оливия, однако издёвки в её словах больше.

Джордж что-то бубнит себе под нос.

– Что ты сказал, сладенький?

Джордж просто продолжает:

– В итоге я стал Втогрым лейтенантом. Под моим командованием было около двухсот человек, все отличные мужики. И тогда... – Джордж сглатывает подкативший к горлу комок. – Боевая тгревога. Наша часть находилась на Востоке. Точнее сказать не могу – тайна. Вокгруг только пески, куда ни глянь, потому, когда звучит такой сигнал, пгричины может быть только две: учения либо война. Однако если учения, я бы знал: всем нам, офицеграм, сообщали о плановых... событиях. Если честно, я испугался. Не на шутку. Не за себя, за пагрней. Моя подготовка была на высоте – и физическая, и психическая. А вот они не были к такому готовы. Всё пгроисходило очень быстро: здание штаба стало пылью от боеголовки, взгрыв погрушил всё и забграл с собой много жизней. Мы отбивались несколько дней. Ждали помощи. Патгроны

закончились, еды почти не осталось. Кто-то кричал от боли, кто-то плакал, кто-то звал маму. Не могу никого осуждать, нас тогда оставалось не больше двадцати человек. А тех, кто был готов биться дальше, всего пять, включая меня. – Его взгляд ушёл вдаль воспоминаний. – Я помню, как лёг на землю, глядел вверх, закурился... Вдохнул глубоко-глубоко... Успел уже попрощаться мысленно с теми кого люблю. Молитву прочитал. И тогда воздух буквально взорвался! – Он вновь подскочил, но сразу сел. – Он был такой горячий, что невозможно стало дышать! Правда, я видел своими глазами! Звено истребителей пронеслось над нашими позициями, прямо над головами. Помощь явилась в самый последний момент. Больше ничего не скажу. Нас спасли, доставили домой, и я написал бумагу на увольнение. Было ли страшно? Да! Неимоверно. Больше всего пугало то, сколько товарищей я потеглял. А из-за секретности, глупой тайны, оказалось, что я не могу покинуть страну. Неопределённое время. И тогда я начал писать. Пенсии военного, получившего ранение в зоне боевых действий, достаточно, чтобы не думать о работе. Вот потому я и делаю сейчас то, что люблю.

– Итан, старина Джорджи тебя переплюнул, – казалось, Оливия только и ждала, когда он закончит свой рассказ, чтобы вставить едкое замечание.

– Ты!.. – Джордж гневно смотрит на неё. – Хватит!

– Ну, малыш, не надо ерепениться. – Она продолжает улыбаться. – А то начнёшь грязно ругаться при ребёнке, тогда папочка Росс тебя стукнет и не посмотрит, что ты бывший военный, солдат, машина для убийства.

– И откуда ты только слово такое узнала – ерепениться, – негромко говорит Алекса.

– Тебя, китти, вообще не спрашивают. Держи своё мнение в заднем... кармане!

– Прямо каламбур за каламбуром, – в голосе Алексы не меньше едкости. – Тебе бы к нам на факультет.

– Дамы, давайте успокоимся, – Росс старается поддержать порядок.

– Подождите! Эй, все, слушайте! – Кэрол встаёт, чтобы каждый посмотрел на неё. – Мне тут Генри показал книжку свою. В общем, тут есть схемы разных кораблей, их строение. Так вот, во многих комнатах...

– Каютах, мам.

– Да, малыш, каютах. Во многих каютах есть сквозные вертикальные переходы в другие. Они располагаются друг над другом.

– Отличная идея, милая! – Росс уже поднимается, чтобы начать действовать. Как только появляется возможность разобраться в происходящем, спасти свою семью, этот бесстрашный человек готов на всё.

Мяу.

Росс садится обратно совершенно потерянный. В который раз все замирают на своих местах.

Мя-яу. Очень тихо, глухо.

Глаза Оливии становятся всё шире. Эрик неожиданно впивается пальцами в столешницу. Кэрол в ужасе обнимает сына.

Миу. Ми-ияу. Будто бы откуда-то издалека.

Джордж беспомощно озирается, вертит головой, часто моргает, потеет. Итан встречается взглядом с Алексой – она сосредоточенно пытается расслышать, откуда раздаётся звук.

Мяу. И тишина.

– В той аварии выжил только котёнок. Мать с сынишкой остались лежать. Идиот на спорт-каре спал рядом с разбитой машиной, слюни пускал. Ни царапины не получил. Они котёнка взяли, домой везли. И он один... – Эрик словно говорит всё самому себе, не смотрит ни на кого. – Маленький рыжий котёнок ходил по осколкам и мяукал в ужасе. А моя Николь...

Алекса показывает Итану взглядом на пол. Тот кивает в ответ. Оливия вдруг подходит к Эрику и обнимает за плечи.

– Тише, здоровяк. – Она больше не агрессивная язвительная стерва. Сейчас она заботливая мать, или старшая сестра, которая хочет успокоить братишку. Эрик просто сидит с закрытыми глазами, и ни одна мышца не двигается на его лице.

Совсем скоро Эрик вновь открывает глаза. Он аккуратно встаёт, почти нежно снимая руки Оливии с плеч, и благодарно кивает.

– Я вспомнил. Ну, причину, по которой сидел. Расскажу всё, только давайте сначала поищем проход.

Тут все одновременно смотрят на пол, на ковёр цвета венозной крови.

– Выбор очевиден, – говорит Итан в полной тишине.

Все встают; Росс и Итан, не мешкая, оттаскивают в сторону тяжёлый ковёр, но металлический пол чист.

– Пианино! – подаёт идею Генри.

Мужчины сдвигают его в сторону, и взору их предстаёт небольшой квадратный люк вровень с металлическим полом у стены. Железная ручка утоплена в поверхность. Эрик без колебаний поддевает её пальцами и тянет. Плечи напрягаются, но крышка едва приподнимается.

– Помогите.

Однако ухватиться вдвоём за крохотную скобу не представляется возможным. Тогда Итан снимает ремень, подсовывает под ручку.

– Все вместе! – командует Росс.

Четверо мужчин хватаются за ремень. Со скрежетом металла о металл крышка поддаётся. Секунда – и та с грохотом падает. От подобных звуков ладони Алексы становятся влажными. Она ощущает, как капелька пота скользит по позвоночнику. Мальчик вдруг берёт её за руку своей сухой детской ладошкой.

Перед ними лежит колодец первозданной тьмы, куда не проникает ни единого лучика и так скупого света. Вертикальная лестница уходит в бездну. «Она называется «трап», – думает Генри, выглядывая из-под руки отца. Снизу веет холодом, однако сквозняк не ощущается.

Люди стоят вокруг, и никто не решается сделать первый шаг. Все словно перестали дышать.

– Кто хочет грискнуть? – нарушает тишину Джордж.

1.4

Кажется, у меня вновь случается кошмар, только осмыслить его я не успеваю.

– Доброе утро! С днём рождения! – Именно эта фраза прерывает мой сон. Я открываю глаза, мама сидит на кровати.

– Спасибо, мам, – потянувшись, бурчу я. Простынь сырая от пота, но вида не подаю. Она улыбается.

– Держи. – Протягивает завернутый в подарочную упаковку прямоугольной формы предмет.

Я так и подскакиваю на постели!

Люблю подарки, ведь у меня они бывают так редко, что имеют особую ценность. Тем более от матери. Зелёная бумага с жёлтыми звёздочками. Обожаю зелёный цвет. И звёзды я тоже люблю. Очень много скотча – сложно вскрыть упаковку. Впрочем, как всегда, она всё делает основательно. Есть у меня нехорошая привычка грызть ногти, потому с такой мелочью, как скотч, в этот раз нужно повозиться. Но я справляюсь, правда, приходится помогать зубами.

Мама хмурится, но молчит.

Это оказывается новенький красивый планшетник. Могу с уверенностью сказать, что такой подарок очень кстати. В последние дни у меня начала болеть спина, из-за того, что большую часть всего времени я провожу в сидячем положении. От внешнего мира можно отвлечься за книгой или компьютером, но всё это – сидя. Я успела уже задуматься о ноутбуке или лэптопе, чтобы убивать время, занимаясь саморазвитием прямо в постели, или даже в парке на свежем воздухе. Может, делать какие-нибудь заметки, записывать мысли. Правда, не успела придумать, как преподнести эту идею матери.

– Ну, что ты смотришь на него? Хоть нравится? – вырывает меня мама из мыслей.

– Да! Да! Спасибо большое, очень круто, спасибо! – Я искренне тянусь её обнять, однако объятия выходят короткими.

– Если ты не забыла, сегодня помимо твоего праздника ещё генеральная уборка. Так что надо как следует подготовиться к приходу гостей. Давай, начинай со своей комнаты, я займусь гостиной. – Она делает жест рукой куда-то в дом. – И потом вместе перейдём на кухню. – Своим чётким резким и уверенным тоном она окончательно спускает меня на землю из заоблачных мечтаний о прекрасном дне.

По грёбанной «счастливой» случайности мой 18-й день рождения выпадает на яркую и солнечную субботу. А что у нас по субботам? Генеральная уборка.

Время 7:12. Весь день обещает быть не самым радужным, за исключением его завершения. Единственное, о чём я мечтаю со вчерашнего вечера и буду мечтать до самого конца сегодняшнего ужина – встреча с Эри. Она сказала, что будет в парке около 8 вечера. Уже представляю, как мы откупорим бутылочку вина, закурим и будем долго общаться о том, что было и что будет. Только с ней весело и интересно.

Надо немного потерпеть. Пережить «праздничный» ужин и свалить. Потому сейчас я выезжаю из ванной на кухню, завтракаю в гробовой тишине идвигаю обратно в свою комнату.

Убираться я никогда не любила. Раньше мне казалось, что тратить целую субботу на приведение в порядок такого маленького дома – просто преступление против Времени и Пространства, как таковых. У мамы это всегда целый ритуал.

В первую очередь протираешь пыль на всех поверхностях. Причём, для каждой комнаты набирается чистая вода. Сначала проходишь сухой тряпкой, затем влажной, а после драишь специальной полиролью для мебели. Затем нужно пропылесосить и помыть полы. Естественно, в каждой комнате свежей водой! Следующий этап: протереть всё внутри шкафчиков, то есть посуду, книги и прочие мелочи. После этого отмывается ванная комната по уже заданному

плану, и только в конце – кухня. Параллельно идёт стирка. Завершающий этап: глажка всего выстиранного.

Однако стоит быть честной с собой. Теперь всё немного изменилось. Упростилось для меня. Я только мою и протираю всё, до чего могу дотянуться, а мама делает остальное. Ещё я закидываю вещи в стиральную машину, но гладит – опять же она. Так что в командной работе мне пришлось сдать позиции.

Обед проходит в молчании с моей стороны и нудным перечислением, что ещё не закончено – с маминной. Спагетти хороши, однако настроения не прибавляют.

Затем раздаются сразу несколько звонков. Сначала бабушка сообщает, что не придет, плохо себя чувствует. Она живёт всего в паре часов езды, машины не имеет, но по мне всё это ерунда. Только отговорки. Двоюродный дядя звонит мне на мобильный, в отличие от бабули, у которой только городской, и говорит, что он в командировке, потому его тоже ждать не нужно. Ещё несколько человек разной степени родства радуют (меня, а не маму) извинениями и «реальными» причинами для отсутствия.

Я чувствую прилив позитива. Похоже, вечером всё будет не так плохо, как могло бы быть. Чем меньше родственников, глазающих на меня в коляске, тем меньше дискомфорт.

Ребята – друзья со школы – так и не звонят. И это немного странно. Да и в течение всего лета мы чатились всего несколько раз. Кажется, Грустный уезжал на какие-то соревнования, а Ведьма должна была отправиться в летний лагерь. Но, судя по дате, оба уже вернулись.

Возвращаюсь в комнату, открываю браузер, социальную сеть.

Сообщений нет.

Смотрю фото Грустного. Мы дали ему такое прозвище за привычку надувать губки, когда обижается, или неловко чувствует себя. Он высокий и стройный парень, мой ровесник. Что-то есть женственное в его чертах и фигуре, потому надутые губы, круглые щёки и пышная шеволюра делают облик комичным. Грустный... он часто улыбается и вообще весёлый парень, редко рефлексирует. Но прозвище приклеилось. Также он занимается бегом и нередко участвует в соревнованиях. Успел много где побывать, видел разные города и один раз ездил в Европу.

Мне нравится, как он, бывает, улыбается, когда задумается о чём-то. В такие моменты мне хочется уметь рисовать.

А Ведьма просто верит во всю эзотерическую чушь, которую можно найти в книжном магазине на полках, подписанных «Мистика». Она увлеченная натура и если во что-то упёрлась, то извлекает максимум. С недавних пор она красит ногти чёрным, выбирает мрачный мэйкап и таскает на груди «ловец снов». И, как любой подросток, не слушает советов. А когда-то ведь носила рюкзак с пони и красила волосы в розовый.

На самом деле, в школе мы проводим достаточно много времени вместе, особенно в библиотеке. Ведь так и поступают лучшие друзья? Часто общаются и всё делают сообща?

Смотрю на их фото поочерёдно. Совместно мы редко фотографируемся, потому эти фотки на его странице я пролистываю быстро. Дальше идёт хроника нашего последнего дня в школе, затем его соревнования в июле в соседнем городе. О! Вот, видимо, он вернулся. Уже в городском парке. Они с Ведьмой сделали селфи на фоне колеса обозрения. И на самом колесе.

И у пруда. С Ведьмой. Всё время вместе.

А какая дата?

...Ещё до аварии.

И оба не писали мне всё это время. У неё в профиле то же самое.

Я несколько секунд просто пялюсь на последнее фото: оба улыбаются, она держит мороженое в одной руке, а другой снимает; он тоже с мороженым в правой, а левая у неё на талии.

Почему они не сообщили, что вернулись? Видимо, надо написать самой.

Открываю общий чат. Набираю текст, но иногда пальцы не попадают по клавишам:

«живые есть, ало!»

Нет ответа. Несколько минут смотрю в монитор. Ну, Ведьма же всегда с телефоном! Она спать с ним под подушкой ложиться.

Набирает сообщение. Вот она.

«прива, Рыжая. как ты»

«дома торчу. уборка»

Дура, хотела же спросить, почему они оба не звонят! Почему вместе на всех фото?! Ну!

«а, мамка напрягла, ясно. как настроение. хорошо себя чувствуешь после больницы?»

Настроение? Да у меня день рождения сегодня!

Вдруг появляется острое желание двинуть монитор кулаком, да посильнее, чтобы её, овцу, достать.

«неплохо. терпимо, сама знаешь»

Нет ответа. Видимо, ей совершенно неинтересно, что у меня в жизни творится.

«в клоаку нашу собираешься?»

А может, они и сейчас вместе? Сидят у него в комнате, обнимаются. Он ненавязчиво гладит её по бедру... Чёрт! О чём я думаю?

«какая школа, ты о чём!»

«ясно. мне бежать надо. давай. споемся»

Сука.

Закрываю чат. Тушу монитор. Выключаю компьютер. Секунду раздумываю и выдираю все провода из розетки. Просто дёргаю за них, не заботясь, что могут порваться.

В этот момент распаивается дверь.

– Ты уже закончила? – Мама стоит на пороге с пылесосом.

Швыряя провода, зажатые в кулаке, отвечаю максимально спокойно:

– Да.

Всё, надо расслабиться. Мама заметит, и тогда я сойду с ума, пока отвечу на все вопросы.

Её же удовлетворяет мой краткий ответ.

– Давай, надо ещё всё приготовить. – И сваливает на кухню.

Я глубоко вздыхаю и отправляюсь следом.

***

Каждый раз, когда наступает праздник, и должны прийти гости, мама старается готовить максимально сложные и замороженные блюда. Сейчас, например, я занимаюсь сатанинским соусом «Цезарь». Думаю, его на самом деле придумал сам дьявол. Однажды он захотел накачать всех поваров и просто людей, любящих готовить. Тогда он собрался с мыслями и, чтобы отучить всех от проявления любви к таким вещам, как кулинария, придумал этот соус.

Сперва я кладу бутылку оливкового масла в морозилку, чтобы его температура была близка к нулевой. По собственному опыту знаю, что можно не бояться забыть его там, ведь ничего страшного не произойдёт, масло не застынет ни при каких обстоятельствах. Параллельно смешиваю соус ворчестер, чеснок, сок лимона и консервированные анчоусы, а затем блендером превращаю всё в однородную массу.

Благо, все столы у нас дома не настолько высокие, чтобы делать всё исключительно стоя. Наверное, чтобы проверить мои мысли на прочность, мама включает музыку: группа «ABBA». Да кто вообще их слушает?!

Теперь – самое весёлое. Судорожно, почти на вытянутой руке, я держу гребанную бутылку масла весом в килограмм, или больше, и тонкой струйкой очень медленно лью его в миксер. Если рука дрогнет, и масла окажется больше положенного, то всё зря. Это будет просто масло в миксере. В идеале должна получиться пышная масса.

Кисть сводит от ледяной бутылки.

Наконец, спустя «каких-то» двадцать пять минут, я смешиваю полученную массу с заранее подготовленной жижей из анчоуса и прочего. Вуа-ля! Идиотский соус готов! И что получается? Конечное блюдо: это соус из масла с травой и курицей!

Ненавижу «Цезарь»! Желание готовить уничтожено. Желание встретиться с сестрой увеличивается в разы.

Мама решает заняться томлёной свининой под подушечкой из помидоров и сырной корочкой. Почему нет? Очень «простое» блюдо, и готовится «всего» пару часов. В итоге, всё это дело отправляется в духовку, и приходит очередь рулетиков из баклажан.

Она жарит тонко нарезанные баклажаны и укладывает на салфеточку, что бы та впитала лишний жир. Салат с соусом, который состоит из масла на 80%, её не смущает, а вот лишняя капля жира в баклажанах – критична. В это время я беру мисочку с мягким сыром, заранее смешанным с чесноком и зеленью, и бережно кладу немного на баклажан. Обжигая пальцы, скручиваю рулетик.

Почему нельзя подождать пока они остынут? Зачем вообще нужны все эти ухищрения, если мало кто из моей родни заинтересуется рецептами и просто сожрёт всё? А ещё лучше, если не сожрёт, и придётся выкинуть.

– Ну, быстрее! Ничего не успеем! – шипит мать. Может, мысли прочла? Но, скорее всего, просто взглянула на моё лицо. – Ещё надо отмыть тут всё, что натворили. И переодеться!

Зачем тогда мы драили эту кухню перед началом готовки?

Этот вопрос я еле сдерживаю за зубами.

Часы показывают лишь начало четвёртого.

***

Я раньше не задумывалась, что означает слово «неловкость». Неловкое молчание, неловкая ситуация.

Выглядит оно примерно так: тётя, опустив голову, ковыряется вилкой в «Цезаре», отец время от времени задаёт мне примитивные, банальные вопросы, мать делает то же самое в отношении своей сестры, игнорируя отца; я не могу засунуть в себя еду и просто пью. Просто воду. Безудержное веселье.

Смотрю на часы – 19:21.

Очередной вопрос от отца из разряда: слышал ли кто-нибудь про дождь на следующей неделе? В который раз мама молчит, тётя не отрывается от тарелки, а я из вежливости говорю, что читала об этом. Глоток воды. Тётя спрашивает у мамы, как та делала соус к мясу, на что получает целую ветхозаветную историю, начиная с похода в магазин и заканчивая выбором соусника. Потом опять все молчат.

Смотрю на часы – 19:22.

Мы сидим так уже с полчаса. Лучшего проведения дня рождения и не придумаешь. Такими ужинами пытаются грешников где-то в преисподней.

Отец поворачивается ко мне:

– Готова к последнему учебному году? – Роковой вопрос звучит в 19:23.

Физически я чувствую, как неловкость переходит в напряжение.

– Ты идиот? – так впервые за вечер мама напрямую обращается к отцу.

– Что? – явно возмущается он.

– Вопросы у тебя тупые, вот что!

– Я просто...

– Хватит грызть ногти! – Это уже в мой адрес.

Явно в шоке, тётя смотрит то на одного, то на другого и правильно делает, что ничего не добавляет. Я на самом деле грызу ногти.

- Я же тебе уже объясняла! – накидывается на отца мама.
- Тогда, может, и мне объяснишь? – вырывается у меня достаточно резко.
- Милая, мы подумали и решили... – отец пытается ответить за неё.
- Вы подумали? Или *она* решила? – Это последняя капля. Я уже едва сдерживаюсь.
- Да ты с трудом по дому перемещаешься! О какой школе может идти речь?!

Оцепенев от злости, я таращусь на мать. Все затыкаются. Стрелки часов вдруг начинают бить по ушам.

И я показываю, всем им показываю, как ловко могу перемещаться по дому, пройдя всю полосу препятствий без единого лишнего движения. Миную комод, торчащий из-за угла. Проскакиваю мимо гладильной доски с другой стороны. Впереди финишный порог. Меня не останавливать. Даже не обернувшись, хлопаю входной дверью.

2.4

– Так, я иду первым. Эрик за мной. Как только мы осмотримся и найдём свет, крикнем. За нами не спускаться.

– Росс...

– Всё хорошо, Кэрол, – в голосе Росса только нежность и уверенность. – Бояться нечего. Она не хочет отпускать его руку.

– Там нет ничего страшного, просто темно.

Впервые за всё время Кэрол ощущает: что-то может измениться. И ожидание неизвестно, плохого или хорошего, страшит её.

– Папа, там выключатель. Он должен быть где-то слева от трапа. Так всегда делают на кораблях.

– Спасибо, сынок. – Росс ерошит мальчику волосы. – Держи маму за руку и ни за что не отпускай. Что бы ни случилось.

И он поворачивается к дыре в полу.

– С чего такие взрослые мысли? – Джордж не может спокойно реагировать на то, что ребёнок оказывается сообразительнее. – Книжка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.